



*Когда часто и подробно говоришь о современной отечественной литературе, начинаешь казаться:* ничего не осталось в мире художественной словесности, кроме нас. Иногда полезно вспоминать, что это не так. Продолжают создавать свою национальную вселенную писатели Соединенных Штатов. Можно отмахнуться: враги – зажавшиеся себялюбцы и горделивые пустотники! Мне ближе позиция советской науки: в лучших образцах американская литература противостоит официальной политике США, делает ставку на человека, который знает истинную цену риторике Вашингтона.

Впрочем, не будем спешить с выводами о глобальных союзах в интернациональном пространстве романного или поэтического слова. Интересно другое. Почему-то Америка заинтересована в том, чтобы её фасад свидетельствовал о неизменном идеитизме, достигающем гротескных высот. С нами говорят политики с кукольными лицами, уморительно брутальные спортсмены, стяннутые пластическими операциями актёры. Даже посвященные искусственным светом военные чаще напоминают солдатиков из дешёвых детских наборов, нежели боевых генералов, способных взорвать мир.

Расслабляться рано. За любым манекеном реальность скрывается мощный, обеспеченный психологическим оружием американизм. Его дурная иконка – нехитрая театральность и обманчивая простота. Дух иной. За последний год он неоднократно проявил себя, так что обойдёмся без теоретических рассуждений. Лучше посмотрим на самые интересные романы в литературе США XXI века. Чётко одна – увидит *внутреннюю Америку* с её новейшими драмами и симптомами надвигающегося будущего. Метод прост – приводим значимую цитату и кратко представляем самое интересное из состоявшегося в произведении. Романов будет десять: "Дорога" Кормака Маккарти, "Щегол" Донны Тартт, "Падающий" Дона Делилло, "Благоволительницы" Джонатана Литтлелла, "Гертруда и Клавдий" Джона Андайка, "Свобода" Джонатана Франзена, "Снежная королева" Майкла Канинггема, "Средний пол" Джеффри Евгенидиса, "Сансет Парк" Пола Остера, "Заговор против Америки" Филипа Рота.

*"Откуда происходило такое количество жалости к себе? По любым стандартам жила она просто роскошно. Каждый день она могла посвятить изобретению достойного и приятного образа жизни, но вся эта свобода, любой выбор делали Патти ещё более несчастной. Автору приходится признать, что она жалела себя за то, что была настолько свободна" (пер. с англ. Д.Горяиновой и В.Сергеевой).* Дневниковые слова Патти – главный героини романа Франзена "Свобода" – о важном западном парадоксе: чем больше финансового комфорта и обеспеченной покоем повседневности, тем чаще приходит надоедливые неврозы и мысли о пустоте, в которой стоишь дурак дураком и не понимаешь, куда двигаться дальше. От беззаботности и принципиального безделья страдают практически все герои французского романа. Уолтер, муж Патти, ни в чём не обнаруживая запах подлинности, начинает бороться за снижение рождаемости. Чтобы никто не занял твое место (пусть не самое счастливое, но твое!) в вялотекущей повседневности. Лекарство от скуки предоставляет детально разработанный автором "любовный треугольник" – вечный двигатель в драматизации жизни "среднего класса". Франзену пришлось сильно постараться, чтобы Патти и Уолтер, погуляв на стороне, с легким унынием решили восстановить семью. Депрессии есть, катастроф смысла не видно. Драгоценная частная жизнь – как ворон – над всем распростёрла крылья.

Не податься ли к Богу – традиционному Пантократору, а не плащавому симулякру неопротестантизма?

*"Византизм – двойственные натуры, одновременно благочестивые и злобедские до предела. Они жестоки, как жестоки дети, в бесчувственной невинности. Для них христианское богослужение всего лишь внешнее распянутое лицедейство... В Византии невозможно отличить помешанных от святых... Их болезненно-мрачная религия проебуждала во мне тоску по простоте нашей, более свежей, незатейливой веры, которая внешней помпе предпочитает внутреннюю красоту... Крайности благочестия и жестокости смыкаются там в кровавом тумане... Восточные римляне отскели советств от религии" (пер. с англ. И.Г. Гуровой).* – так говорит братоубийца и будущий губитель Гамлета в романе Андайка

"Гертруда и Клавдий". Перед читателем предстаёт роскошно страстный мир – навстречу друг другу несутся, не снижая скоростей, двое себялюбцев-язычников – Гертруда и Клавдий, небрежно прикрывшиеся малозначимым здесь христианским дизайном. У них есть влиятельные противники. Этот гамлетизм – душевная раздвоенность, хилость сердца при накаченности разума и умении изрекать эффектные мироотрицающие фразы. И, конечно, православный византизм – верти-кально организованный мир, в котором алдайковские грешники выдят лишь трансформацию Абсолюта в лицемерных движениях. Они отяготили жизнь прямолинейных, но искренних в своей животности северных народов.



Алексей ТАТАРИНОВ

Андай словно советует американским читателям: остерегайтесь восточного двоедушия, а также саркастического скептицизма Гамлета – будьте честными зверями! Спасет ли это?

*"Земля поизбалла, не оставив наследников; безжалостная темнота; слепые псы солнца в вечном движении; знепущая черная пустота вселенной. И где-то там они – два загнанных зверя, дрожащих, как псы в укрытии" (пер. с англ. Ю.Степаненко)* – читаем в романе Маккарти "Дорога". Одно из самых совершенных произведений XXI века заставляет сделать странный вывод: повествование ужасно в своей злопещей пустотности, в частных словах о непоправимой богооставленности, и всё же в нём легче дышать, чем в классическом для наших дней американском "семейном романе". Неназванная катастрофа уничтожила цивилизацию, умиртвила человечество, оставив жалкие горстки людей. Одним несчастным суждено стать каннибалами, другим – пищей для них. Зная об отсутствии пути, по смертельно опасной дороге идут отец и сын, смешивая в скупых словах безнадёжность и необходимость донести огонь до самого конца. Движением ключевой пары (отец – сын) Маккарти преодолевает суетливость, заранее известное дребезжание новейших "бытовых сюжетов", в которых папымамы-бабушки-дедушки-сестры-братья бесконечно сталкиваются корпусами своих сознаний в сжимающихся коридорах текста. "Дорога" страшна и просторна, этим близка героическому эпосу. Правда, дракон здесь не внешний враг, а пространство существования – жизнь, оккупированная совсем близким небытием.

Как узнать в людской массе, укреплённой внешней нормальностью, тех, кто при случае станет поедать себе подобных? Или это все мы?

*"Жалко, в армию не могу пойти служить. Староват. Тогда я мог бы убивать безнаказанно, а потом возвращаться домой и семействовать" (пер. с англ. С.Силаковой).* – так в романе Делилло "Падающий" размышляет обычный американец Кейт, чудом переживший 11 сентября. Вот сейчас, думаешь, наступит время для воссоздания эпохального конфликта исламизма с американизмом, но роман тут же совершает поворот – в сторону семьи, плохо себя сознающей и не контролирующей свой сюжет. Покрытый пылью разрушенных башен и кровью жертв террора, Кейт полусознательно возвращается к жене и сыну (от них он ушёл задолго до катастрофы), чтобы жить не дома, а возле: мучиться непроговариваемостью случившегося в Нью-Йорке и неизъяснимостью персонального внутреннего мира. Исламисты в "Падающем" – верующие, обладающие чётким знанием о мире и человеке, не сомневающиеся в принятом решении, с молитвой шагающие в дикое бессмертие. Американцы совсем иные: ни один архетип, поддерживающий уверенность в устойчивой картине мира, не действует в их сознании. Исламисты – убийцы. Американцы нет. Но почему Кейт не прочь "убивать безнаказанно", а его тихая жена Лианна готова уничтожить соседа без всякого повода?

И связаны как-то немотивированная агрессия среднего, нормального, вполне обеспеченного человека и та модель мироздания – унынием управляющая пустотность, в которой он пребывает?

*"С детства я был одержим стремлением к абсолюту и преодолением границ; эта страсть и привела меня к расстрельным реам на Украине. Я всегда желал мыслить радикально; вот и государство, и нация тоже выбрали радикальное и абсолютное... И если радикаль-*

*ность оборачивается пропастью, а абсолютное – абсолютным злом, следует, в этом я совершенно убежден, идти до конца, широко раскрыв глаза" (пер. с фр. И.Мельниковой, М.Томашевской),* – слова офицера СС Ауэ из романа "Благоволительницы", написанного франкоязычным американцем Литттеллом. "Благоволительницы" – масштабное изображение Второй Мировой войны с вниманием к "советской теме", с акцентом на Холокосте. События происходят в Берлине и Пятигорске, Сталинграде, Киеве и Париже. Одна беда: весь текст представляет собой монолог маниакального фашиста Ауэ – маньяка литературоцентричного, взывшего самое худшее от Ореста и Эдипа, Иуды, Нарцисса и Ставрогина, Диониса, Печорина и Гамлета. Такой безумный набор не

## Так говорит Америка

должен удивлять, изощренная интертекстуальность атакует читателя с первой до последней страницы. Ауэ пытается доказать: немцы ни в чём не виноваты. Германский нацизм – отражение жестокого, безличного бытия, трансляцией которого является вся практика войны. Абсолют, ответственный за кошмары земной жизни, действуют через мессианские ориентированные народы. В едином хороводе братьев-врагов терзают мир немцы и евреи, русские и американцы. К этой мысли Ауэ возвращается часто. И нельзя сказать, что Литттелл героя опровергает.

Бытие-фашист и человек-декадент могут меняться местами. Вот уже источник жизни погряз в декадизме, а сильный мужчина готов ответить на безобразия сущего убийством себе подобных. Есть ли у этого декаданс-фашизма более пристойные, может быть, даже сказочные формы?

*"Умирать было страшно, но она умирала так долго, что успела обучиться этому делу и неплохо в нем справлялась; в своей неизбежности оно стало для неё неким подобием дома, родины, безвестной, но исполненной доблести страны, древней, крепкой и безмятежной..." (пер. с англ. Д.Карельского),* – сказано о молодой женщине Бет, героине романа Канинггема "Снежная королева". Действительно, не вспоминала ли весной Персефона "с нежностью Аид, его сумрачную тишину, его прохладную и бесплодную пустоту"? У Бет был шанс спастись, увлечёная прагматикой выживания. Онкология отступила, врачи стали говорить о чуде. Но рядом с выздоравливающей Персефой пребывают верные служители эстетизированного небытия. Муж Тайлер и его брат Баррет плывут по волнам минорной музыки, ценят двусмысленность наркотиков и гомосексуализма, и почти готовы признаться, что любимая женщина им интереснее мёртвой, чем живой. "Свет с неба", который увидел один из братьев, становится хорошей темой для разговоров, но не поводом для изменения жизни. Никто здесь не может испугаться по-настоящему, до дрожи лицевых нервов. Неодекадентская сказка (красиво написанная!) тащит героев к последней точке угасания.

Сохранился ли ещё традиционный американский оптимизм, сентиментальная любовь к обеспеченной обыденности и протяжённости существования?

*"...Я думал о паразитительной способности мира вмещать в себя такое количество жизни... Предуготованной судьбы нет, и всё определяется нашим свободным волеизъявлением. Биология даёт нам мозг. Жизнь превращает его в сознание... Моё превращение в мальчика оказалось менее драматичным, нежели, скажем, путешествие из детства в юность... Я одновременно ощущал страх мужчины и удовольствие женщины... Мне нравилась моя жизнь" (пер. с англ. М.Паниной),* – признаётся главный герой романа Евгенидиса "Средний пол". От рождения его звали Калиппой. Считали девочкой, не заметив важных физиологических деталей. В процессе полового созревания Калиппа обнаружила, что она в большей степени Калл, чем женщина, и начала вживаться в реальность мужчины, не потеряв связь со своим детским Я. Вторая и не менее важная интрига повествования – в истории семьи гермафродита, в трансформации греческого в американское, в соединении двух национальных принципов и деградации византийско-православного начала. В тексте хватает кровосмесителей и лесбиянок, но главным уродом предстаёт греческий священник Майк – жалкий, нищий, завистливый, решившийся на грабёж,

который убил отца главного героя. Византия не любит гермафродитов. Античная Греция, на которую хочет быть похожей Америка Евгенидиса, знаменитое терпиме. Гермафродит в романе "Средний пол" становится фигурой символического оправдания мира – синтезирующего противоположности, терпимого к отклонениям, создающего поводы для радости, несмотря на все казусы существования.

Гермафродит – сама Америка, соединившая типичных англосаков с греками и африканцами, евреями и арабами. Сохраняется ли у неё мечта, противостоящая житейским торможениям и депрессиям?

*"Со времён вьетнамской войны, начавшейся за двадцать лет до того, как он был рождён, он считает, что идея Америка больше не*

*существует, что страна уже более не может предложить ничего желанного..." (пер. с англ. А.Егорова),* – возможно, это не самая характерная фраза романа Остера "Сансет Парк". Она



принадлежит одному из медленно угасающих героев, для которых сегодняшняя жизнь есть пауза между неясным прошлым и неопределённым будущим. Нисхождение – ключевой мотив и в становлении образа главного героя. Ему 28 лет, зовут Майлсом Хеллером. Интеллектуал, сын известного книгоиздателя и знаменитой актрисы, он исчез из жизни родителей. Затерялся в безвестности, стал ходить по брошенным домам и кладбищам, фотографируя следы тления. Формальный предлогом для "символического самоубийства" стала вина в случайной гибели сводного брата. Но есть нечто ещё – глубинная интуиция полного жизненного провала, которая сначала отступает перед любовью к кубинской девушке, перед желанием вернуться к родителям, а потом – в финале – ставит чёрную точку. Вернувшись к приведённой цитате, скажем, что для Остера закат молодого американца, которому нечем защититься от хаоса, – не исключение, а значимая национальная история: отсутствия Америка, "предлагающая желанное". Нет центра витальности. И всё-таки необходимо заметить стремление автора – тяжело, со вздохом, после паузы – благословить семью как последнюю форму защиты.

Давно понятен кризис среднего возраста. После Остера очевидно, что и двадцатилетние едва дышат. А как быть, если катастрофа смыслопотери пришла к тинейджеру?

*"И, кажется, мой несуществующий читатель, я хочу сказать тебе что-то очень серьёзное, очень настоятельное, и чувствую, что должен сказать это таким тоном, как будто мы с тобой находимся в одной комнате. Мне нужно сказать, что жизнь – какой бы она ни была – коротка. Что судьба жестока, но, может быть, не слепа. Что Природа (в смысле – Смерть) всегда побеждает, но это не значит, что нам следует склоняться и пресмыкаться перед ней... И в разгар нашего умирания, когда мы проплевываемся из почвы и в этой же почве бесследно исчезаем, какой же это почёт, какой триумф – любить то, над чем Смерть не властна" (пер. с англ. А.Завозовой),* – таково итоговое знание Тео, главного героя романа

Тартт "Щегол". Мальчиком потеряв мать, взорванную террористами в музее, Тео приобщается к одной из центральных идей современной западной литературы: жизнь – тяжёлый крест, никак не связанный с воскресением; субъект человеческого бытия – безличное ничто, не причастное добру. Протестуя против вселенской пустоты и при этом вписываясь в её логику, Тео погружается в алкоголь и наркотики, сближается с криминалом, долго стоит на пороге смерти. Друг с русскими корнями называет его "Гарри Поттером", только нет волшебной палочки, да и зло стало тоньше, психологичнее, обиднее. Юноша исчез бы, не поступи помощь от картин Юлиуса Фабрициуса, погибшего в Делфте столетия назад при взрыве порохового склада. Его маленький "Щегол" становится для Тео явлением рукотворного Бога – мимолётной красоты и едва заметной жизни, предьявляющих идеи не возвратного исчезновения свои аргументы. Пустота не побеждена любовью, но в их сопротивлении можно обнаружить основы *рождественского экзистенциализма*, который старательно, но без сентиментальности выстраивает Донна Тартт.

Действительно ли американское в современном романе исчерпывается драматизацией судьбы личности и не касается историсофских проблем?

*"Какое отеративное зрелище являет собой нынче наша страна!" (пер. с англ. В.Топорова),* – слышим признание мэра какого-то американского города в романе Рота "Заговор против Америки". С одной стороны, это снова гимн семье (на этот раз, еврейской), исполняемый участником событий, совпадающим в имени и фамилии с автором произведения. С другой, перед нами альтернативная история. В начале сороковых президентом был избран не престарелый Рузвельт, а харизматичный лётчик Линдберг. Он ограничил теоретический симпатией к Гитлеру и перешёл к созданию условий для местного Холокоста. Ближе к финалу выяснится, что Линдберг – не сознательный нацист, а несчастный, но и неправильно поступивший отец, у которого немцы выкрали сына для политического шантажа. Чтобы сохранить жизнь ребёнку, Линдберг согласился пойти на выборы, выиграть их для установления гнусного режима... Всё это малоинтересно. Главное присутствует в соединении фашизма с Америкой. Филиппу Роту такая фигура невозможной не кажется, и он со знанием дела показывает, как за считанные недели демократическая страна превращается в оплот человеконенавистников. Стоит только грамотно оформить приказ о трансформации.

Роль романа в познании духа времени и национальной идеи не стоит считать бесспорной. Роман – жанр двойственный, избегающий прямого дидактического слова, настороженно относящийся к историсофским формулам. Он работает не с итоговыми знаками, а с интуициями, которые исследователь представляет как сложное пространство многих речей. Иногда сказанное может быть услышано как некий *единый сюжет*. Возродить его в абсолют не стоит, но размышления он достоин.

Современная Америка говорит следующие. Бога нет, и уже не будет. Иногда жаль, что так все сложилось – пустынно, безотрадно, но ничего не поделаешь. Надо ловить мимолетную красоту, молиться в ней духом эстетического совершенства, пытаться оправдать само бытие, которое морального оправдания, возможно, и не имеет. Стоит искать семью как истинное пристанище, ползти к ней так, как раненый солдат ползёт к укрытию, чтобы очередной взрыв не превратил душу и тело в ничто.

А что там с нашей Америкой? Она всё прихорашивается, бубнит о превосходстве, но видна в ней невооружённым глазом мировоззренческая дыра, готовая поглотить всё способное к жизни. Чем-то ведь надо заткнуть это чудовищное отверстие. Знаками красоты, историями семьи. Или фашизмом, который следует назвать демократией? В последний, беспощадный бой готов вступить человек, совершенно свободный от моральной определённости, не замеченный в позитивных движениях сознания, не исповедующий ни одну из вер. Куда же он рвётся? Ответ маячит в дальних пределах многих романов. Или сегодня американец окажется в смертельной схватке, хоть в каком-то масштабном эпосе. Или завтра будет раскачиваться в петле, чей символический образ воссоздан Франзенем и Делилло, Остером и Тартт, Маккарти и Канинггемом. Такова, на мой взгляд, главная подтекстовая идея современной Америки – какой она предстаёт в романах XXI века.

(начало на стр. 1)

В настоящее время эту идеологическую пустоту мы заполняем религией. Однако следует заметить, что религия ещё недостаточно вошла в нашу жизнь. Наблюдается высокий уровень самоубийств среди подростков, как наиболее ранним части населения. Самоубийство это грех для православного человека, поэтому религиозность может исправить положение. Россия как православная страна по числу самоубийств занимала одно из последних мест среди других стран. Самоубийцы не отпевали в церкви. Не хоронили на кладбище. В основе русского общества находилась семья, которая в значительной степени формировала личность русского человека, препятствовала разрушительному поведению, способствовало созданию собственной семьи и потомков.

После революции была отменена регистрация брака, семья разрушалась. Сталин восстановил регистрацию брака и назвал семью основной ячейкой общества. Это способствовало росту рождаемости, вместе с укреплением семьи рос патриотизм и создавалось единство общества. В революцию появляется масса разных партий, часто антагонистических, победившая партия ликвидировав тех, кто проиграл. Так после революции во Франции этот процесс консолидации сопутствовал множеству казней: около миллиона отрубленных голов при населении примерно 26 миллионов. Однако достигнутое единство помогло Наполеону захватить всю Европу, кроме России и островной Англии.

Надо сказать, что во время войны во всех странах создаётся порядок военного времени, многие законы приостанавливаются. Например, сотни тысяч японцев, немцев были арестованы в США и отправлены в лагера. В Англии все члены местной национал-социалистической партии, во главе с сэрмом Соли были отправлены в лагера. Так достигалось единство нации. Это единство сохранил от физической ликвидации и наш народ в страшную войну практически со всей Европой в 1941-1945 годах. Мы всегда должны помнить, что по плану Ост, утверждённому Гитлером, русский народ подлежал в большинстве уничтожению, а оставшиеся – ассимиляции. Другими словами, мы теряли свою сущность, язык и культуру. Как бы дорого ни стоила победа, поражение во много раз обошлось бы дороже.

Часто говорят об ошибках Сталина, мол, много жертв было на войне. Во Франции, Польше и иных странах Западной Европы не ошибались, просто через пару недель сдались. Увы, мы этого себе позволить не могли и ошибочно воевали целых четыре года, однако поэтому мы до сих пор живы. Безошибочный фюрер войну проиграл и застрелился.

Владимир Михайлович Бехтерев писал в своей статье "Коллективная рефлексология", что людей скрепляют три фактора: во-первых,

общий интерес и единство действий, во-вторых, общность цели и задачи, которые придают смысл существованию данного народа и побуждают его к единству. Наконец, в-третьих, это общий идеал. "Придерживаясь общего идеала, народ обретает блеск, силу и величие". Всего этого нам удалось достичь перед войной, что в значительной степени и способствовало нашей победе. Единство не сразу далось нам. Приведу ряд примеров. Так А.Огородников пишет, что Свердлов и Троцкий организовали покушение на Ленина с целью захвата власти. Фанни

## Права человека, но какого?

Каплан не имела к покушению никакого отношения, в Ленина стреляли чекисты провокатора Александр Протопопов и Лидия Конюплёва. "Организатор переворота Яков Свердлов, председательствовавший в Совете народных комиссаров вместо Ленина и сохранив за собой руководящие посты во ВЦИКе и ЦК РКП(б), сосредоточил в своих руках всю полноту власти в партии и стране". Каплан сожгли в железной бочке, все следственные документы уничтожили. Огородников пишет, что "направляется вывод, что истребление на Урале родственников Ленина, убийство Мирбаха, царевушество, мятеж левых эсеров и покушение на Ленина – стоят в одной цепочке и подготавливались и осуществлялись одной и той же силой"... Как известно перед заседанием ЦК, где Свердлов должен был быть утверждён в должности председателя совнаркома, он внезапно умирает от гриппа. Так бывает...

Можно до бесконечности приводить примеры той обстановки по типу пауки в банке, которая сложилась после революции, впрочем это было после всех революций во всем мире. Надо сказать, что такая же борьба велась и в составе белой армии, где под ковром дрались масоны – кадеты и монархисты. Так кадеты убили генералов Мамонтова и Дроздовского, а монархисты пристрелили генерала кадета Романовского (статья "Белые белые" Сергея Кисаченко)...

Вот так "устаканивалось" наше общество после всех переворотов. ...Вообще Россия страна уникальная. Так, у нас уже больше тысячи лет непрерывной государственности, примера этому больше в мире нет. В России даже при монголах страной правил русский князь, хоть и был вассалом хана. Россия росла в значительной степени за счёт добровольного присоединения к ней иных народов. Так, Украина пять раз обращалась с просьбой о присоединении, наконец, царь внял просьбам, возможно, это была ошибка. Грузия находилась под турецкой оккупацией, в Тбилиси турок было множество. Она обращалась с просьбой о присоединении 12 раз, Павел Первый подписал, наконец, указ перед самым убийством. Принял Грузию уже

Александр Первый. Моя неродная бабушка была из знатных грузинских князей, она заканчивала в Петербурге гимназию, и диплом об окончании вручала сама императрица. В России все народы были равны. У нас не было тактих надписей, как у немцев и шведов в Прибалтике или Финляндии. Скажем, что латышам и сабокам в Ригу вход воспрещен. И немцы, и шведы относились с презрением к этим народам, что русскому было непонятно.

Как-то в Израиле я читал в городе Ашкелон русскоязычную газету, где из номера в номер

печаталась статья о том, как Сталин спас Израиль во время англо-египетской агрессии, переписав в Израиль около трёхсот тысяч евреев-фронтовиков. Я знал такихых, часть их вернулась назад, а часть осталась в Израиле. Сталин спас Израиль, многие израильтяне вешали на стенку портрет Сталина, его и сейчас там можно встретить. Так что разгром троцкистов, среди которых было много евреев, не акция против них. А акция против американского агента Троцкого.

В России никогда не было рабства, даже в древности пленных вскоре или отпускали, или принимали в общину. Ещё Иван Грозный убрал своих наместников и ввёл выборность руководства в деревне, впервые в Европе. Вообще в России земля принадлежала крестьянской общине, а помещик только помещался на ней с обязательством служить в армии. При отмене крепостного права от крестьян отрезали часть земли помещику (дело об отрезках), что вызвало массу крестьянских восстаний. Отрезки были возвращены только в 1905 году. Недаром Джон Даллес назвал русский народ самым свободолюбивым и независимым народом в мире. Аналогично думал и Бисмарк.

На Западе распад семьи и культ бездетности продолжались. Так, в Германии лидер христианско-социалистического союза предложил ограничить срок брачного контракта всего годами. В Европе ныне появилась тенденция жить без детей. ...Как я уже писал выше, Сталин прервал в России эту пагубную тенденцию, однако влияние Запада у нас всегда было и осталось, ликвидировав полностью пагубные тенденции не удалось. Шведские социологи провели исследование, которое со всей очевидностью доказывает – вероятность развода пар, которые до официального брака находились в сожительстве, гораздо выше, чем у тех, которые не репетировали семейную жизнь. Заметим, что числу разводов, зачастую фиктивных, способствовало нелепое шведское (и в иных странах) законодательство о социальной поддержке матерей-одиночек. Супруги разводятся с целью получить эту поддержку, разводы в основном фиктивные, но имеется тенденция пе-

рерастания этого развода со временем в истинный развод. Вообще разведённые не имеют право на половой контакт, за этим следят соседи и доносят в полицию, но уследить сложно, есть водосточные трубы, по которым всегда можно влезть и незаметно спуститься. Это шутка, но близкая к реальности. Последствием этого якобы гуманного закона о матерях-одиночках является рост лицемерия, поощрение распада семьи и в конечном счёте падение рождаемости. Кроме тенденции к безбрачию растёт и так называемая асексуальность, т.е.

полный отказ от половых сношений. Десятки тысяч подобных асексуалов есть и в нашей стране. Появилась даже теория о полном отказе от брака, о гомосексуальном сожительстве и об искусственном осеменении. Возможно, и динозавры вымерли от однополовых браков.

Вот к чему ведёт отказ от религии и от заветов Бога, регулирующих нашу жизнь и способствующих её сохранению. Особое развитие эта доминанта сохрания получает во время молитвы, при стремлении к Богу. Схимники, к примеру, питаются весьма скудно, молятся и работают, но живут, как правило, долго... Во время войны Сталин встречался с иерархами церкви и заручился их поддержкой, был восстановлен патриархат, возродилось много церквей. Вокруг Москвы при приближении немцев на самолёте обнесли икону Казанской Божьей Матери. Человек не может жить только ради бытовых благ, духовные достижения должны превалировать над ними. Мы должны проводить политику, которая соответствует положению великой державы, куда входят и различные международные социальные мероприятия типа Олимпийских игр и первенства мира по футболу. Часто говорят, зачем на это деньги тратить, но ведь при такой философии можно, в конечном счёте, ограничить себя одними физиологическими потребностями, что недопустимо для нормального человека и неизбежно ведёт к вырождению общества.

Без духовности, даже при большой сытости не может быть прогресса. В настоящее время страны Запада отошли от церкви, не признают Священного писания, объявили нормой sodomский грех. Следствием этого стало вымирание европейцев и замена их на жителей Азии и Африки. Наша духовность и вера раздражают западных европейцев, их раздражает наша православная вера, где духовность ставится выше бытовых удобств. Следствием этого неприятия русской веры стала постоянная клевета на наш народ. К сожалению, эту клевету с радостью поддерживают некоторые слои нашего населения. Джером Гарсей в своих "Записках о России" пишет, что опричники Ивана Грозного в 1569 году убили в Новгороде семьсот тысяч че-

ловек. По тем временам эта цифра фантастическая, в Новгороде тогда жило всего-то около 40 тысяч человек. Врать тоже надо в меру.

Победить Россию не удастся, но оклеветать её стремятся многие. Потому надо обучать народ вере в себя, в свою культуру и свою страну. Эта культура основана на нашей православной вере. Страны Запада издают всё новые законы о различных правах человека, зачастую идущих вразрез с религией и вообще с природой человека. Мы видим, что народы, живущие в ладу со своей человеческой природой, по законам Бога имеют иммунитет к патологии поведения, европейские народы в значительной степени утратили иммунитет, а поэтому обречены на вымирание. Самое худшее, что патология законодательно объявлена нормой.

Этот закон препятствует сохранению и выработке иммунитета. Германия установила абсолютный рекорд по нерождаемости, примерно 1,3 ребёнка на женщину. Однако ребёнка недостаточно просто родить, его ещё надо и вырастить. Чтобы вырастить ребёнка, нужна семья и семейный уклад. Сейчас развиваются идеи, что семья отомрёт, жить будут вместе только однополье, дети будут зарождаться с помощью искусственного оплодотворения.

Основой западной и в основном американской пропаганды является борьба за свободу, демократию и права человека. Все эти слова не более как пропагандистские термины. Нигде не даётся определение, что такое свобода, демократия и права человека. Вернее определение есть, но их так много и они столь противоречивы, что всякий, кто об этом говорит, должен сказать, что он под этим понимает. Так, Александр Зиновьев нашёл в литературе 130 определений демократии и 80 определений тоталитаризма. При таком изобилии трактовок свои слова теряют всякий смысл и просто становятся политическими лозунгами. В своей книге "Геноцид белой расы" я давал определение свободе, исходя из физиологических и социальных основ поведения человека. Так, домашнее животное свободно дома, но если его выгнать, оно уже не свободно. Свобода там, где можно удовлетворять свои физиологические и социальные потребности.

Демократия слишком неопределённый термин, что и показал Зиновьев, посему не будем его касаться. Права человека, но какого человека? На Западе права человека – это права извращенца. На Востоке – это права сторонника Игил. Поэтому не надо спекулировать на этом термине, надо сказать, что ты под ним подразумеваешь. Хорошо было бы дать это определение при обсуждении их в ООН, но боюсь, что общего решения не получится. А сейчас возможно только осудить спекуляцию на этих понятиях...

Валерий СЛЁЗИН

(Полная версия на сайте)